Новая Холодная война? Нет!

Евгений Прейгерман

Содержание

1 Исторические параллели мимо цели
2 Главное отличие, и почему ситуация сегодня опаснее
3 Европейская безопасность

Вот уже несколько лет в СМИ и экспертных дискуссиях звучит термин «новая Холодная война». Особенно часто к этому термину стали обращаться после 2014 года, когда произошло присоединение Крыма к России, а на Донбассе вспыхнули масштабные боевые действия. Эти события стали отправной точкой для череды взаимных санкций и роста военно-политического напряжения между Россией и Западом, которое проявляется в различных формах и сферах, особенно информационной.

В последние месяцы процесс эскалации получил дополнительные импульсы. В результате пересмотра ядерной доктрины США и заявлений Владимира Путина о новых видах российских вооружений в обиход вернулось понятие «гонка вооружений». После применения нервно-паралитического вещества «Новичок» в английском Солсбери разразился новый раунд санкций и высылки дипломатов, который во многом выглядит беспрецедентным. После же предполагаемой химической атаки в сирийской Думе риски военного столкновения ворвались в «красную зону», а комментаторы заговорили о «Карибском кризисе 2.0».

На этом фоне заголовки с упоминанием «новой Холодной войны» стали общим местом в ведущих мировых СМИ. При всей удобности и смысловой масштабности этого термина его аналитическая ценность сегодня вызывает сомнения. Исторические параллели и уроки, безусловно, важны. Однако обращаться к ним нужно аккуратно, чтобы не быть дезориентированными простыми аналогиями. Искусственно притянутые аналогии не только практически малополезны, но и во многом опасны.

Исторические параллели мимо цели

Термин «Холодная война» используется для характеристики состояния международных отношений в период с конца 1940-х и до начала 1990-х годов. Он описывает глобальное военно-политическое противостояние в условиях биполярного мира. Главная особенность того периода – идеологическая основа противостояния при наличии «железного занавеса». Это не значит, что идеология была единственным драйвером внешней и военной политики: как и в любых других условиях поведение и сверхдержав, и малых государств определялось, главным образом, структурными факторами. То есть возможностями и потребностями государства относительно других государств и их союзов, особенно с учетом гарантированного взаимного уничтожения в случае военного конфликта между великими державами. Однако вся система международных отношений обрамлялась идеологическими несовместимостями.

> Поэтому Холодная война – это характеристика конкретных исторических реалий, которых больше нет.

Сегодня нет ни сравнимого идеологического противостояния, ни аналогичной биполярной структуры международных отношений, а доступные большинству населения мира современные технические средства коммуникации исключают возможность возникновения нового «железного занавеса». По крайней мере, «железного занавеса» образца той эпохи.

При этом между ситуациями сегодня и времен Холодной войны есть, разумеется, и некоторые очевидные сходства. Так, сегодня наблюдаются растущая военно-политическая эскалация и все большие риски прямого военного столкновения между США/НАТО и Россией. Противостояние в медийной сфере не только напоминает времена глобальной конфронтации между капиталистическим и социалистическим блоками, но уже и превосходит его по некоторым показателям. Например, по уровню оскорблений и личных атак в адрес руководителей государств. Есть и очевидное, пусть и пока менее обостренное, понимание неизбежности гарантированного взаимного уничтожения в случае большой войны.

Однако этих сходств явно недостаточно, чтобы провозгласить наступление новой Холодной войны. Иначе любой период обострения отношений между крупными государствами в условиях сдерживающего фактора ядерного оружия нужно было бы называть Холодной войной. Поэтому наводнившие сейчас СМИ отсылки к Холодной войне, скорее, говорят просто о человеческой склонности везде и всюду

искать аналогии и использовать в их качестве то, что выглядит масштабнее и эпохальнее. Как военных часто обвиняют в том, что они готовятся к прошлым войнам, так и комментаторов в сфере международных отношений и безопасности можно легко заподозрить в склонности к применению известных шаблонов из прошлого.

Главное отличие, и почему ситуация сегодня опаснее

Принципиальное отличие ситуации сегодня от периода Холодной войны заключается даже не в качестве системы международных отношений, а в ее состоянии. Холодная война – это термин, фиксировавший сформировавшуюся систему и констатировавший определявший ее баланс сил. Сегодня же мы наблюдаем совершенно иное состояние системы международных отношений: она начала трансформироваться из своего предыдущего состояния в какое-то новое. Обращаясь к популярной терминологии школы исторического институционализма, можно сказать, что система находится в «критическом разъединении». То есть установившиеся после распада биполярного мира закономерности, балансы, сдержки и правила международной жизни постепенно разлагаются, а новый каркас системы еще не формируется.

> Притом длиться это критическое разъединение может долго. Контуры нового соединения могут складываться в самых необычных комбинациях, пока не приобретут устойчивого характера.

Какие очертания получит новая система международных отношений – пока вопрос без ответа. Велика вероятность, что старые модели одно-, двух- и многополярности уже не будут актуальными. Скорее всего, система будет усложняться: на разных ее уровнях будут работать разные механизмы и уникальная логика взаимодействия. Разные возможности на этих уровнях будут иметь государственные и негосударственные акторы. Каким-то образом все эти элементы, вероятно, будут сочетаться в единой конструкции множественных порядков.

В любом случае сегодня с уверенностью можно зафиксировать лишь то, что ситуация критического разъединения принципиально отличается от ситуации Холодной войны (и любой другой устоявшейся системы) повышенной непредсказуемостью. Соответственно, в условиях разлагающейся системы значительно повышается вероятность возникновения кризисных ситуаций. Особенно когда перестают работать традиционные каналы межгосударственной

коммуникации. И когда негосударственные дискуссионные площадки становятся частью информационного противостояния и предоставляют трибуну для соревнований в обличении другой стороны.

Европейская безопасность

Названные системные характеристики и вызовы периода критического разъединения особенно заметны в Европе. Хотя отношения России и Запада не будут главным фактором в процессе формирования новой системы международных отношений, для европейской архитектуры безопасности они пока остаются центральными. Здесь сегодняшние тенденции преломляются по-особенному: они подчеркивают географическую близость и мировоззренческую различность, а также возвращают к жизни исторические фобии и дают политикам возможности играть на этих фобиях во внутренней и внешней политике.

Поэтому именно в европейских делах особенно велик соблазн прибегать к термину «новая Холодная война». Но по той же причине именно здесь нерелевантная аналогия с Холодной войной особенно затрудняет понимание современной реальности.

Евгений Прейгерман
руководитель экспертной инициативы «Минский диалог»